

УДК 811.161.1'373.23:821.161.1-31

Понырёв и Бездомный: антропонимическая загадка Михаила Булгакова

Ключевые слова: *антропонимика, Булгаков, Понырёв, Бездомный, семантическая антитеза, лингвистический, культурный и географический контекст.*

В статье анализируется содержательное соотношение фамилии и псевдонима одного из главных героев романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» – Понырёв и Бездомный. Автор обосновывает неслучайное противопоставление фамилии, образованной от конкретного ойконима, и псевдонима, имеющего прямо противоположный смысл – человек без определённого места жительства. Эта антиномия усиливается привлечением историко-географической аргументации: посёлок Поныри, от которого образована фамилия, расположен на водоразделе Волги, Днепра и Дона, втором по значимости в историко-культурном отношении во всей Восточной Европе.

V.M. Vorobyov
Russian State University named after A.N. Kosygin

Poniryov and Bezdomniy: the anthroponymic puzzle from Mikhail Bulgakov

Key words: *anthroponymy, Bulgakov, Poniryov, Bezdomniy, semantic antithesis, linguistic, cultural and geographic context.*

The article is devoted to the analysis of the semantic correlation between the surname and the nickname of the one the primary heroes of the novel «Master and Margarita» by M.A. Bulgakov – Poniryov and Bezdomniy. The author substantiates non-random opposition of the surname, created from the concrete oikonim, and the nickname, that contains the opposite meaning – the man without the concrete place of habitation. This antinomy is stronger by the involvement of the historic and geographic argumentation: the settlement of Ponyri, of which the surname was formed, is situated upon the watershed of Volga, Dnepr and Don – the second by its historic and cultural significance in the Eastern Europe.

Ряд приёмов М.А. Булгакова, применённых им в «Роковых яйцах», «Собачьем сердце», «Адаме и Еве», «Мастере и Маргарите», глубокий исследователь творчества писателя профессор С.В. Никольский назвал «поэтикой зашифрованных мотивов», расположенных «в невидимой части ассоциативного спектра».

Это касается и структуры образов его героев, и персональных аллюзий и соотнесений, и скрытого смысла сюжетных ситуаций, сцен, картин, а также антропонимов, ойконимов и урбанонимов. Это огромный и многослойный мир зашифрованных смыслов и аллюзий, который только начинает прорисовываться благодаря открытиям П.В. Палиевского [7], М.О. Чудаковой [8], Б.С. Мягкова [5], Е.А. Яблокова [9; 10] С.В. Никольского [6].

Новое поколение булгаковедов также осваивает его ономастическое пространство, примером чему служит статья тюменского исследователя Е.П. Багировой [1]. По её мнению, три плана повествования – реальный московский, исторический библейский и ирреальный демонический – образуют единую антропонимическую систему. Действительно, в московских главах буквально каждое личное именование вписывается в логику театра абсурда, разрушая русскую антропонимическую традицию через иноязычные

компоненты или сочетание обыденного имени со странной фамилией. Этот эффект усиливается и фонетической составляющей. М.А. Булгаков добивается данным приёмом сильного сатирического результата, когда совокупность имён собственных становится гротескным, но реальным отражением действительности.

Правда, трудно согласиться с Е.П. Багировой, что фамилия Понырёв может быть отнесена к группе номинаций, в которой антропонимы произведены от апеллативов с «затемнённой семантикой», и якобы стоит в том же ряду, что Могарыч, Варенуха и Шпичкин. Этимологическая ссылка, которую она даёт на словарь В.И. Даля, соотносится с термином «бездомный» [4, I, 61], а не «поныр», который определяется у Даля как «подземный проток, уход потока в глубь земли» [4, III, 289].

Известно, что Булгаков в процессе работы над рукописью романа искал наиболее адекватные и контрастные варианты фамилии и псевдонима своего, вероятно, главного героя романа. Встаёт вопрос: а что для автора в данном случае было важнее – фамилия или псевдоним? От какого из компонентов ономастической пары Понырёв – Бездомный мог он двигаться мыслью к предполагаемому антониму?

Базовым для Булгакова в этой дихотомии был псевдоним. Он идеально вписывался в страдальческую парадигму значений ранних советских литературных обличий, уходящих корнями ещё в дореволюционную эпоху (Горький, Скиталец).

Г.Г. Красухин подметил в «Моих литературных святцах»: «Горький, Бедный, Голодный – такие псевдонимы брали, чтобы подчеркнуть, что ты находишься на стороне тех, кто испытывает нужду, бедность, нищету. И при этом совершенно было неважно, что горечи жизни Горький не выносил, наоборот – тянулся к жизненной сладости и потому умер в подаренном ему особняке Рябушинского. Неважно было, что Бедный бедности не знал, жил сперва с большевистскими вождями в Кремле, а потом в отдельном доме на Бульварном кольце. Важна была маска, которую как бы отработывали писатели под своими псевдонимами» [11].

С.В. Никольский пишет: «...исследователи обоснованно находят в образе Ивана Бездомного черты, сближающие его с Демьяном Бедным, известным своими грубыми богоборческими стихами» [6, 153]. Вспомним настоящие фамилии пролетарских и крестьянских писателей: Горький – Алексей Пешков, Бедный – Ефим Придворов, Приблудный – Яков Овчаренко, Голодный – Михаил Эпштейн. Фамилии хотя и не частотные, даже запоминающиеся, но без какой-либо заметной семантической или экспрессивной окраски. А в избранных этими писателями для себя псевдонимах их смысл подаётся влобовую, исключая какие-либо иные трактовки и принуждая читателя к одобрению и сочувствию, давая на него социальной принадлежностью. Как говаривал Чичиков, «полюбил нас чёрненькими, а беленькими нас всякий полюбил».

Мой школьный учитель Нина Васильевна Верхоланцева (1908–1978), чей муж, командир 25-й Чапаевской дивизии Михаил Зюка, был расстрелян в период «большого террора», однажды процитировала кого-то в нашем разговоре о писателях 30-х годов: «Горький, Бедный, Голодный... Голодный, а морда – во! Был там один морячок, назвался Весёлым – так и того шлёпнули». Об источнике цитаты я тогда, полвека назад, не спросил, а теперь на просторах Интернета тоже не смог обнаружить.

Эпитеты Горький, Бедный, Голодный и подобные им хотя и вызывают жалость, но характеризуют либо эмоцию, либо преодолимое, небезнадёжное состояние. А вот Бездомный – это гораздо сильнее. Не случайно Булгаков искал и нашёл псевдоним Ивана Николаевича именно в сематическом гнезде «дом, жильё, приют». Могу сказать по данным этнографической литературы, что самым страшным наказанием у всех первобытных народов был не смертный приговор, не мучительная казнь, а изгнание из рода, поскольку у человека не оставалось места на земле: лишившись защиты своего рода, он не мог быть принят ни в какой другой и погибал.

«Дом человека – его земная обитель, убежище от превратностей погоды, от зверей, от любых врагов; это место, где живёт его семья; это кров, под которым он готовит пищу, ест, отдыхает, спит; здесь он хранит свой скарб и припасы; здесь горит огонь его домашнего очага. Трудно перечислить все функции жилища, ещё труднее разделить их на важные и второстепенные» [3, 61].

В ранних рукописных редакциях «Мастера и Маргариты» есть попытки найти наиболее адекватное выражение абсолютной неприкаянности своего героя и зафиксировать его: Беспризорный, Бесприютный, Покинутый, Безродный. Булгаков останавливается на псевдониме Бездомный как на наиболее ёмком, отражающем всеобщность, универсальность и самого понятия, и состояния и статуса человека.

Исследователи творчества Булгакова без труда выяснили, что в псевдониме Бездомный спародирован поэт Александр Безыменский, у которого это была родовая фамилия. Но Булгаков не ограничился пародийным приёмом, задевающим этого «бородатого комсомольца», как его назвал Владимир Маяковский.

Вторая часть антропонимической пары – фамилия Понырёв. Она образована от названия посёлка городского типа Поныри и одноимённой железнодорожной станции в нынешней Курской области, близ границы с Орловской областью. Станционный посёлок сложился к 1868 г. при строительстве железной дороги Москва – Курск – Киев, а в 1902 г. сюда было переведено волостное правление, и Поныри стали самостоятельной административной единицей.

М.А. Булгаков, уроженец Киева и впоследствии московский житель, многократно проезжал по этой железной дороге через станцию Поныри, это название и сам населённый пункт стали частью его жизненного тревелога. Он наверняка слышал рассказы попутчиков о проезде через Поныри императрицы Екатерины II, закрепившемся в названии Екатерининский большак. Он видел привокзальную часовню, возведённую к открытию железнодорожной линии Москва – Курск, где на торжественном молебне присутствовал император Александр II. Да и в самом топониме Поныри (понурий? нора? нырять?) было что-то загадочное по сравнению с названиями соседних станций Золотухино и Глазуновка.

Чем же не устроили Булгакова избранные им первоначально варианты фамилии Ивана Николаевича – Попов и Тёшкин? В первом случае, вероятно, слишком нарочито высвечивалось несоответствие фамилии Попов с мировоззрением поэта, его поведением и высказываниями в полилоге на Патриарших, то есть «антикрещение». Во втором случае фамилия Тёшкин, образованная, вероятно, от какого-то апеллятива или от мужского личного календарного имени *Терентий* > *Тёша*, оформленного уменьшительно-пренебрежительным суффиксом *-ик-* и патронимическим суффиксом *-ин*, подчёркивала заурядность её носителя, выходца из простолюдинов.

Другое дело – фамилия Понырёв. В сознании автора «Мастера и Маргариты» помимо ассоциации с весьма загадочным названием хорошо знакомой Булгакову железнодорожной станции вполне мог сложиться и другой семантический слой. Поныри, о которых мало кто из читателей слышал, являют собой в данном контексте своеобразный символ коренной, глубинной, потаённой России.

Думается, ойконим Поныри в тексте романа по воле его автора не только имеет лингвистический смысл, но и несёт иносказательную семантическую нагрузку: нырять, погружаться, уходить с поверхности в глубину, прятаться, таиться. Основа *-ныр-/нер-* довольно часто встречается в гидронимии: река Неретва в Динарских Альпах, озеро Нерето в Тверской области; озеро Неро в Ярославской области и др. Выше уже отмечалось, что «понуыр» определяется у Даля как «подземный проток, уход потока в глубь земли» [4, III, 289].

До чего же безбожная советская власть должна была довести человека, чтобы он сменил глубокую по содержанию и звукописи фамилию Понырёв на бродяжный псевдоним Бездомный! В результате перед нами человек – перекасти-поле, соцреалист без корней, без культурной традиции, без духовности.

С.В. Никольский полагает, что фамилию Понырёв «можно связывать с символом воды и крещения, а по мнению Филиппс-Юзвигт, и с Иваном Купалой: само “имя Иван и настоящая фамилия Понырёв синонимы Ивану Купале – народному наименованию Иоанна Крестителя”» [6, 155].

Принимая во внимание эту интересную гипотезу, попробую рассмотреть ещё один аспект, на который я когда-то обратил внимание, осмысливая фамилию Понырёв.

В цитируемой выше монографии «Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов)» С.В. Никольский пишет: «Приношу благодарность доктору исторических наук /надо: доктору культурологии. – В.В. / В.М. Воробьёву, обратившему наше внимание на то, что в «аксиологической» географии городок Поньри значим как центр водораздела в средней полосе России, где берут исток несколько крупных рек» [6, 160].

Наш разговор с Сергеем Васильевичем на эту тему состоялся в 2007 г. Два года ранее я защитил докторскую диссертацию по культурологии, в которой в частности рассмотрел историко-культурную значимость водораздела Волги, Дона и Днепра на Среднерусской возвышенности, в районе Поныррей. Данный водораздельный гидроузел (исток р. Неручь, лп р. Зуша, пп р. Ока, пп р. Волга // исток пп р. Сосна, пп р. Дон // исток пп р. Тускарь, пп р. Сейм, лп р. Десна, лп р. Днепр) связывает воедино системами трёх великих рек бассейны Каспийского, Азовского и Чёрного морей.

«Это самый значимый в аспекте этнокультурных взаимодействий район на южном склоне Европы, поскольку замыкает огромные пространства Русской равнины, а через лежащий в нескольких сотнях километров к северу Великий водораздел он реализует связи и с Северной Европой» [2, 97].

Мягкие ландшафты Среднерусской возвышенности в лесостепном Окско-Донском междуречье, плодородные почвы Черноземья и густая речная сеть способствовали хорошей проницаемости полосы водораздела в этих местностях. Культурные контакты не были ограничены ландшафтными препятствиями, но в первобытности отсутствие озёр, больших рек, обширных лесов снижало мотивацию к оседлости. С освоением пашенного земледелия в раннем средневековье пространство Окско-Донского междуречья стало осваиваться более интенсивно, а в эпоху Московского государства и в имперский период этот процесс успешно завершился.

С.В. Никольский живо откликнулся на мои размышления об историко-культурной значимости этого компактного пространства, внутри которого и на ближней периферии встречались и взаимодействовали с глубокой древности вплоть до эпохи государственности включительно этносы самого разного происхождения. Они внесли неоценимый вклад в судьбу этого региона.

Не буду утверждать, что М.А. Булгаков был глубоко знаком с историко-географическим содержанием этой водораздельной территории, но наверняка он ощущал интуицией гениального писателя, подкреплённой личными впечатлениями от поездок и общения с людьми, что в этом пространстве, откуда реки текут в три моря, заключена какая-то загадка, что в нём есть особая сила и энергетика, которая передалась и его обитателям.

Возвращаясь к дихотомии Понырёв – Бездомный, скажу, что не ставлю задачу проследить обратную трансформацию Бездомного в профессора Института истории и философии Ивана Николаевича Понырёва и возвращение им истинного имени: это сделал сам Булгаков в своём романе и его глубокие комментаторы и исследователи.

Так, С.В. Никольский тонко проанализировал образ «оступившегося, сбившегося с пути и заплутавшего Ивана. Открытость натуры, непосредственность эмоциональных реакций и другие привлекательные черты предстают в сочетаниях, часто комических,

с недостаточной образованностью, несдержанностью, опрометчивостью, и, может быть, самое главное, – с бесхитростной, простодушной доверчивостью к чужому слову и к слову вообще, к словесным внушениям» [6, 151].

П.В. Палиевский убедительно показал, что Бездомный «единственный по-настоящему развивается в этой книге... История романа развёртывается в сущности для него, потому что он один сумел извлечь из неё для себя что-то новое, чему-то научиться; факт, не видимый сразу, но едва ли не самый значительный» [7, 56].

Трудно не согласиться с выдающимся филологом С. В. Никольским, чей 100-летний юбилей отмечается 27 февраля 2022 г., писавшим: «Роман «Мастер и Маргарита» – не только повествование о трагических превращениях исторического бытия и судьбы человека, сага о постижении истины и этического идеала (линия Мастера), не только сказание о всепоглощающей самоотверженной любви (линия Маргариты), но в некотором смысле и притча об Иване, т.е. о судьбе заплутавшей России» [6, 155].

Литература

1. Багирова, Е.П. Поэтическая ономастика М.А. Булгакова (на материале антропонимии романа «Мастер и Маргарита») / Е.П. Багирова // Современная филология: материалы междунар. заоч. науч. конф., Уфа, апрель 2011 г. / Под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. – Уфа: Лето, 2011. – С. 71–73.
2. Воробьёв, В.М. Культурно-этнические контакты на континентальных водоразделах / В.М. Воробьёв. – Тверь: Славянский мир, 2004. – 342 с.
3. Воробьёв, В.М. Тверская топонимия: учеб. пособие по курсу «Регионоведение» / В.М. Воробьёв. – Тверь: Седьмая буква. 2009. – 308 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1978. – Т. I; 1982. – Т. III.
5. Мягков, Б.С. Булгаков на Патриарших / Б.С. Мягков. – М.: Алгоритм, 2008. – 352 с.
6. Никольский, С.В. Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов) / С.В. Никольский. – М.: Инс-т славяноведения РАН, 2009. – 2-е изд., испр. и доп. – 192 с.
7. Палиевский, П.В. Шолохов и Булгаков / П.В. Палиевский. – М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 1993. – 141 с.
8. Чудакова, М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М.О. Чудакова. – 2-е изд., доп. – М.: Книга, 1988. – 671 с.
9. Яблоков, Е.А. Мотивы прозы Михаила Булгакова / Е.А. Яблоков. – М.: РГГУ, 1997. – 200 с.
10. Яблоков, Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова / Е.А. Яблоков. – М.: Языки славян. культуры, 2001. – 419 с.
11. Электронный ресурс. – <https://bookshake.net/b/moi-literaturnye-svyatcy-kvartal-4-gennadiy-grigorevich-krasuhin>.

А.Н. Деревяго

Государственное учреждение дополнительного образования взрослых
«Витебский областной институт развития образования»
e-mail: annderevyago@gmail.com

УДК 81.055

Лингвистические особенности отражения культурных событий в региональном публицистическом тексте

Ключевые слова: *языковая личность, региональный публицистический текст, континуум, культурное событие, ономастическая единица.*

Статья посвящена вопросу отражения культурных событий в региональном публицистическом тексте в лингвистическом аспекте. Автор устанавливает инструментарий языковых средств, что составляет особенность текстов региональной публицистики, освещающих культурные события, определяет характерные особенности подбора и употребления ономастических единиц для создания внутритекстового фактуально-событийного континуума.